

УДК 347.162
347.164

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ
ОГРАНИЧЕННЫХ В ДЕЕСПОСОБНОСТИ И НЕДЕЕСПОСОБНЫХ
ГРАЖДАН В СВЕТЕ РЕФОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Селецкая С.Б.

Аннотация

На основе исторического анализа учения о правосубъектности недееспособных и ограниченных в дееспособности граждан, проведено исследование, вступивших в силу изменений действующего законодательства в отношении названных категорий физических лиц. Выявлена относительная рецепция римского частного права и Свода гражданских законов Российской Империи на формирование норм, регулирующих правовое положение недееспособных и ограниченных в дееспособности граждан. Обоснована эффективность вступивших в силу изменений, направленных на защиту прав данных граждан, а также необходимость включения в основания для ограничения гражданской дееспособности категории «расточительство».

Ключевые слова: физические лица, правосубъектность, дееспособность, недееспособные граждане, ограниченные в дееспособности, душевнобольные, вменяемость, психическое расстройство, расточительство.

Концепция развития гражданского законодательства внесла многие коррективы в правовое регулирование гражданского оборота. Основная цель правовых новелл – это наиболее вероятная стабилизация правового регулирования гражданских отношений. Правовая реформа затронула многие гражданско-правовые сферы, однако мы хотим сегодня уделить внимание лишь одному из таких нововведений – это правосубъектности недееспособных граждан и граждан, ограниченных в дееспособности. Интерес к данному предмету нашего изыскания связан со вступлением в 2015 году в силу изменений в гражданском законодательстве оснований для признания граждан недееспособными и ограниченными в дееспособности и их правовым последствиям. Поскольку, указанные изменения направлены на совершенствование механизма защиты прав и законных интересов граждан, которые по основаниям указанным в законе, лишены или ограничены в дееспособности, считаем, что исследование обозначенной проблематики имеет важное теоретическое и практическое значение.

Начиная наше изыскание, следует указать на то, что правовое положение граждан, признанных недееспособными или ограниченными в дееспособности, является составной частью теории о гражданской правосубъектности. Это

учение как система знаний о субъектах гражданских правоотношений имеет многовековую историю, без изучения которой сегодня невозможно объективно выработать современный механизм охраны прав и законных интересов участников гражданских отношений. Поэтому свое исследование, думаем, начать с освещения некоторых положений, сложившихся в цивилистической науке и представляющих для современников определенную догму о гражданской правосубъектности физических лиц, признанных недееспособными и ограниченными в дееспособности.

Итак, сегодня уже общепризнано, что современное представление о субъектах гражданского оборота формируется на анализе истории правовых учений, корни которых уходят к далеким временам развития римского частного права. Еще до рождения Христа римское право признало основным субъектом частных отношений римского гражданина (*persona*¹). Признавая *persona* субъектом того или иного правоотношения, закон наделял его «возможностью владения правами, т.е. правоспособностью, и наделял его возможностью приобретения прав, т.е. дееспособностью» [2, с. 6]. И, если под понятием правоспособности подразумевалось свойство лица быть носителем прав и обязанностей, то дееспособность олицетворялась со способностью субъекта права самостоятельно собственными действиями пользоваться правами и исполнять собственные обязанности. Изучение трудов римских юристов Ф.К. фон Савинье позволили сделать интересный вывод: поскольку собственные действия всегда связаны с разумом, римляне выделяли как случаи полного свободного пользования разумом (такой полнотой наделялись с двадцати пяти лет и без ограничения *majors*, совершеннолетние, взрослые), так и случаи, препятствующие дееспособности, к которым относили, в том числе, безрассудство и признание лица недееспособным [См.: 2, с. 223].

Не смотря на то, что безрассудство считалось естественным и бесспорным препятствием для совершения собственных юридически значимых позитивных действий, за свободными римскими гражданами, признанными таковыми, сохранялась правоспособность, но приостанавливалась их дееспособность. Вместе с тем, римское частное право, учитывая, что безрассудство может иметь временное явление, предусматривало положение о том, что в моменты просветления, любое совершенное действие считается действительным, будто до и после него не существовало никакого безрассудства. Таким образом, в этом случае применялась правовая фикция, один из «самых востребованных инструментов римской юридической техники» [3, 62].

Любопытным для нас является то, что под случай безумия подпадала и высокая степень опьянения, а также гнев. С чем можно полностью согласиться и сегодня, поскольку при сильной степени опьянения либо в порыве гнева лицо действительно не может осознавать значение своих поступков. Однако следует учитывать, что по данным основаниям, согласно римскому праву, сделку можно было признать недействительной только в обязательственных отношениях или в отношении распоряжения имуществом, но в деликтных

¹ *Persona* – (лат.) – маска; лицо – субъект права: [См.: 1, С. 320].

обязательствах смягчающим обстоятельством такие факты рассматриваться не могли. Объективности ради, следует отметить, что п. 1 ст. 177 Гражданского кодекса Российской Федерации, прямо не выделяя названных оснований, все же предусматривает возможность признания сделки недействительной, если она была совершена дееспособным гражданином, который при ее совершении не был способен понимать значение своих действий или руководить ими [4].

В отношении безумного гнева Ф.К. фон Савиньи приводит интересный пример: в период раннего римского права существовало правило о том, что заявленное в гневе расторжение брака не должно иметь последствий [См.: 2, с. 259]. В то же время Ф.К. фон Савиньи разъясняет, что римляне от безрассудства отличали «простое слабоумие», при котором лицо могло быть ограничено в дееспособности только в случае, если слабоумие достигнет высокой степени, что послужит поводом с целью защиты имущественных прав такого гражданина, назначить ему попечителя [См.: 2, с. 258].

К самостоятельному случаю препятствующему дееспособности, римское право относило признание гражданина недееспособным вследствие расточительства. Такое лицо, по словам Ф.К. фон Савиньи, страдает «полным безволием» [См.: 2, с. 259]. Если быть более точным в характеристике расточителя, ими признавались лица не разумно тратящие семейное имущество, тем самым ставя под угрозу имущественное благополучие своей семьи и рода. Поэтому таким лицам запрещалось отчуждать семейное имущество, и им разрешалось совершать такие же сделки, как несовершеннолетним, приближающимся к половой зрелости, т.е. сделки, направленные лишь на приобретение имущества, а не его отчуждение.

Поскольку и первая, и вторая категории лиц в силу объективных причин не обладали способностью самостоятельно осуществлять свои права, в помощь им, римское право признало и развило институт опеки и попечительства, базовые постулаты которого были рецептированы всеми современными правовыми системами.

В свою очередь, хотелось бы отметить, что в правовой литературе при характеристике субъектов римского частного права, достаточно часто сегодня можем встретить обобщение всех случаев отсутствия свободного пользования разумом общими категориями «ограниченные в дееспособности» либо «недееспособные» [См., например: 5, с. 78; 6, с.46 и др.]. Однако как мы показали, различия имелись и достаточно существенные. Но, не вдаваясь в тонкости характеристик правового положения лиц, не способных самостоятельно совершать действия и осознавать в той или иной степени их правовые последствия, можно с уверенностью констатировать, что римское частое право стояло на страже имущественных прав и интересов участников хозяйственного оборота независимо от их психического состояния. И как показывает анализ правоприменительной практики, а также наше дальнейшее изыскание, положения, выработанные в римском частном праве касательно исследуемых категорий физических лиц, сегодня достойны признания и уважения.

Не смотря на рецепцию институтов римского частного права современным гражданским законодательством, которая нашла наиболее яркое свое проявление в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации [7] и федеральных законах, принятых в соответствии с ней [См. например:8], для науки гражданского права истинный интерес представляют научные взгляды правоведов Императорского периода развития отечественной цивилистики о правосубъектности физических лиц. Правоведы отмечают, что влияние римского частного права на гражданское право Российской Империи не значительно. Однако схожесть тех или иных норм и положений о субъектах гражданского оборота все наблюдается.

Так, в частности, Д.И. Мейер отмечает, что права физических лиц не одинаковы, они «зависят от различных обстоятельств, отчасти естественных, отчасти исторических» [9, с. 106]. К естественным обстоятельствам, в частности, он относил «ненормальное состояние умственных способностей» [9, с. 116]. Для нас ценным является справедливая критика Д.И. Мейера норм Свода гражданских законов Российской Империи (далее – Свод законов) [10], которые, по его мнению, не улавливают разнообразные существующие степени помешательства, а допускают лишь одно состояние – умалишение. Даже понятие о светлых промежутках (*lucida intervalla*), известное уже римлянам, отмечает Д.И. Мейер, чуждо нашему законодательству [9, с. 118]. А потому, делает вывод ученый, такие сумасшедшие с непостоянным признаком помешательства у нас или вовсе не признаются сумасшедшими и оттого легко могут подвергнуться убытку во время умопомрачения, или они признаются сумасшедшими, и тогда совершенно игнорируется их нормальное состояние [См.: 9, с. 118].

Позиция, высказанная Д.И. Мейером, близка нашему восприятию касательно норм гражданского законодательства до его реформирования применительно к основаниям признания гражданина недееспособным и правовым последствиям такого признания. Поскольку, ранее ст. 29 ГК РФ содержала общие положения о признании гражданина недееспособным, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими. Таким образом, под такую формулировку могли подпадать все граждане с различной степенью тяжести психического расстройства, и независимо от того временный или постоянный характер носят данные расстройства. Следовательно, ранее, если и психическое расстройство недееспособного гражданина было временным, то в период просветления он уже был лишен способности, совершать самостоятельно какие-либо сделки. Иными словами, права недееспособного гражданина не были защищены в полной мере.

Свои коррективы и изменения правового положения недееспособных внес Федеральный закон от 30 декабря 2012 г., предусматривающий, что при развитии способности гражданина, который был признан недееспособным, понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц суд признает такого гражданина ограниченно дееспособным (п. 3 ст. 29 ГК РФ). При восстановлении способности гражданина, который был

признан недееспособным, понимать значение своих действий или руководить ими суд признает его дееспособным (п. 3 ст. 29 ГК РФ).

Вместе с тем, ст.ст. 365 и 366 Свода законов в отличие от норм ст. 29 ГК РФ лиц, не способных осознавать последствий совершаемых действий, разделяли на безумных, не имеющих здравого рассудка с младенчества, и сумасшедших, для которых был свойственен признак временной потери рассудка от случайных причин. Из анализа указанных статей Свода законов, можно сделать вывод, что дореволюционное законодательство четкости дифференциации различных степеней помешательства не проводило. Для признания гражданина сумасшедшим или безумным, указывает Д.И. Мейер, существовал общий порядок: необходимо было освидетельствование, которое производилось по инициативе родных или губернатора во врачебном отделении губернского правления в присутствии губернатора, вице-губернатора, председателя и прокурора окружного суда, одного из почетных мировых судей и депутатов от сословия, к которому принадлежит свидетельствуемый по своему состоянию, и состояло в том, что свидетельствуемому предлагались различные вопросы, касающиеся обыденной жизни или предмета помешательства [См.: 9, с. 117]. Таким образом, Д.И. Мейер, указывая на несовершенство законодательства, видел лишь один способ решения данной проблемы – при освидетельствовании применять индивидуальный подход к данной категории граждан с целью защиты их гражданских прав (например, обязательно учитывать мнение членов семьи или родственников). По нашему мнению, индивидуальный подход в регулировании отношений с участием недееспособных или ограниченных в дееспособности граждан требуется и сегодня, поскольку только так можно защитить права и законные интересы лиц, ограниченных или лишенных возможности на самостоятельные действия.

Большое внимание рассматриваемой нами проблемы в своих работах уделял и Г.Ф. Шершеневич, который справедливо отмечал, что в дееспособности различают активную и пассивную стороны, а последняя, иначе называется вменяемостью [См.: 11, с. 105]. Причем, интересно заметить, что Г.Ф. Шершеневич характеризуя волевою способность субъекта и его психическое состояние, использует термин «вменяемость», применяемый современным законодательством. И содержательная сторона этого термина идентична современному восприятию: вменяемый – лицо, способное по своему психическому состоянию сознавать значение своих действий и управлять ими [12, с. 87]. Вывод вытекает достаточно простой: степень вменяемости, а соответственно, и дееспособность гражданина зависит от его психического состояния. Признаем, что данное заключение, характеризующее гражданскую дееспособность, является неопровержимой догмой, существующей вне времени.

Вместе с тем, продолжая свое исследование, Г.Ф. Шершеневич безумных и сумасшедших лиц, указанных в ст.ст. 365 и 366 Свода законов, условно называет «душевнобольными» [См.: 11, с. 130-131]. Предложенное обозначение является собирательным и указывает исключительно на

психическое состояние субъекта. Следует сказать, что данный термин имеет широкое применение на практике, причем, как ранее, так и сегодня. Вместе с тем, категория «душевнобольной» имеет правовое значение только в том случае, если душевнобольной в порядке, установленном законом, признан недееспособным и над ним установлена опека (ст. 29 ГК РФ, ст. 374¹ Свода законов). Соответственно и сделки, совершенные таким лицом, будут классифицированы как ничтожные (ст. 171 ГК РФ, ст. 376 Свода законов). Из приведенного анализа вытекает и еще один важный вывод о преимущественности норм дореволюционного гражданского законодательства нормами ГК РФ.

В отношении дееспособности лиц с непостоянным признаком помешательства Г.Ф. Шершеневич, как и Д.И. Мейер, также имел свою точку зрения, представляющую для нас большой интерес. Своеобразие положения лиц с непостоянным признаком помешательства, объяснял Г.Ф. Шершеневич, состоит в том, что они не могут осознавать последствий, совершаемых ими действий, только в период обострения болезни. Поэтому, с одной стороны, достаточных оснований для признания таких лиц недееспособными нет, но, с другой – в виду специфических особенностей психики, у таких лиц нельзя четко провести грань, когда они осознают последствия совершаемых действий, а когда – нет. Потому дееспособность лиц с непостоянным признаком помешательства Г.Ф. Шершеневич определял как «ограниченную вследствие душевной болезни» [11, с. 130-131]. Полагаем, что названная категория дееспособности позволяет более четко определить правовой статус лиц, временно не осознающих своих действий [13, с. 146], а потому мы видим целесообразность введения категории «ограниченная дееспособность вследствие душевной болезни» в научный оборот.

Было бы неполным наше исследование правового положения ограниченных в дееспособности и недееспособных граждан в дореволюционный период развития гражданского права, если мы не уделим внимание слабоумным лицам, не разумно относящихся к семейному имуществу. По словам Г.Ф. Шершеневича, обстоятельство, влияющее на гражданскую дееспособность – это расстройство имущества, к которому следует относить расточительность и несостоятельность гражданина [11, с. 132]. Расточительность влекла за собой ограничение дееспособности. И критерием основания для ограничения дееспособности, по словам Г.Ф. Шершеневича «может служить бесцельность трат безотносительно к доходности» [11, с. 132]. Согласно русскому толкованию расточительство – это как множественная и нецелесообразная трата, расходование чего-либо, мотовство [12, с. 666]. Гражданин мог быть признан расточителем только в установленном законом порядке, в результате чего он лишался гражданской дееспособности в сфере имущественных отношений, и над ним устанавливалась опека.

Следует признать, что категория «расточительство» была известна и римскому частному праву, она имела широкое применение, как видим, и в законодательстве дореволюционного периода. Названная категория использовалась и в советский период. Так, ст. 8 Гражданского кодекса РСФСР

1922 года, предусматривала основанием для признания гражданина недееспособным чрезмерную расточительность, вследствие которой разоряется, принадлежащее гражданам, имущество [14]. Однако ст. 30 ГК РФ данную категорию уже не употребляет, а устанавливает основания, перечень которых является закрытым, для ограничения гражданина в дееспособности. К таким основаниям законодатель относит злоупотребление гражданином спиртными напитками или наркотическими средствами, чем ставит семью в тяжелое материальное положение. Исчерпывающий характер оснований ст. 30 ГК РФ ранее не позволял в ряде случаев ограничить гражданина, неразумно тратящего денежные средства семьи. А потому имущественные права членов его семьи были не защищены. В этой связи, п.15 ст. 1 Федерального закона от 30 декабря 2012 года дополнил правила п. 1 ст. 30 ГК РФ новым основанием – пристрастие к азартным играм. Вместе с тем, категория «расточительство» и ее критерии, выявленные Г.Ф. Шершеневичем, значительно содержательнее оснований, предусмотренных ст. 30 ГК РФ для ограничения гражданской дееспособности. А потому мы видим необходимость использования категории «расточительство» в действующем законодательстве, в частности, в ст. 30 ГК РФ, как более емкую, включающую различные случаи возможного ограничения дееспособности граждан по причине неразумной траты, влекущей разорение имущества, что ставит семью в трудное материальное положение. Считаем, что введение категории «расточительство», «расточительность» в гражданское законодательство позволило бы с развитием общественно-экономических отношений предупредить возможное появление новых оснований для ограничения гражданской дееспособности, помимо предусмотренных п. 3 ст. 29 и п. 2 ст. 30 ГК РФ. Таким образом, предлагаем абзац 1 п. 1 ст. 30 ГК РФ изложить в следующей редакции:

«Гражданин, который вследствие чрезмерного расточительства, в том числе пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами, ставит свою семью в тяжелое материальное положение, может быть ограничен судом в дееспособности в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Над ним устанавливается попечительство».

В заключение проведенного нами исследования некоторых особенностей правового положения ограниченных в дееспособности и недееспособных граждан необходимо сказать, что в настоящей статье мы попытались путем сравнительного анализа провести параллель между современными нормами, регулирующими правовое положение рассматриваемой категории лиц, и законодательном прошлых лет. Вывод очевиден: нормы действующего законодательства построены на рецепции правовых норм прежних лет, анализе цивилистических традиций и опыта правоведов дореволюционного периода, но с учетом современных особенностей развития гражданского оборота. Конечно, реформа гражданского законодательства находится на начальном этапе, а потому перед обществом стоит важная задача – постепенное отвыкание от старых стереотипов, формирование новых подходов в регулирование тех или иных гражданских отношений. И только осмысление цивилистического

наследия дошедшего до наших дней, веками накопленного опыта поможет решению данных задач.

Литература:

1. Латинско-русский словарь юридических терминов и выражений для специалистов и переводчиков английского языка / Автор составитель М. Гамзатов. – СПб., Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2002. – 508 с.
2. *Савиньи Ф.К. фон* Система современного римского права: В 8 т. Т. II / Пер. с нем. Г. Жигулина; Под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. – М.: Статут; Одесса: Центр исследования права им. Савиньи, 2012. – 573 с.
3. *Ширвиндт А.М.* Фикция в законодательстве об опеке / А.М. Ширвиндт // Древнее право. IVS ANTIQVVM. № 1(26). – М.: ИД В.Ема, 2013. – С. 62-85.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая, вторая, третья, четвертая) (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 1996. – № 5. – Ст. 410; 2001. – № 49. – Ст. 4553; 2006. – № 52 (Часть I). – Ст. 5496 (далее – ГК РФ).
5. *Косарев А.И.* Римское частное право [Текст]: учебник / А.И. Косарев.- 2-е изд. – М.: ИД «Юриспруденция», 2007. – 192 с.
6. Яровая М.В. Римское частное право. / М.В. Яровая. – СПб.: Питер, 2006. – 192 с.
7. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренная решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 11.
8. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (часть I). – Ст. 7627 (далее – Федеральный закон от 30 декабря 2012 г.).
9. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право (в 2 ч.) По исправленному и дополненному 8-му изд, 1902. Изд. 3-е, испр. / Д.И. Мейер. – М.: Статут, 2003. – 831 с.
10. Кодификация российского гражданского права: Свод законов гражданских Российской Империи, Проект Гражданского уложения Российской Империи, Гражданский кодекс РСФСР 1922 года, Гражданский кодекс РСФСР 1964 года. – Екатеринбург: Издательство института частного права, 2003. – 928 с.
11. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. Т. 1. / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Статут, 2005.
12. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: «А ТЕМП», 2004.

13. *Селецкая С.Б.* К вопросу о гражданской правосубъектности ограниченных в дееспособности и недееспособных граждан // Научные воззрения профессора Г.Ф. Шершеневича в современных условиях конвергенции частного и публичного права (к 150-летию со дня рождения): Сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Казань, 1-2 марта 2013 г.) / под ред. Д.Х. Валеева, К. Рончки, З.Ф. Сафина, М.Ю. Чельшева. – М.: Статут, 2014 – 942 с. – С. 145-147.

14. Гражданский кодекс Р.С.Ф.С.Р. от 31 октября 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства Р.С.Ф.С.Р. – 1922. – № 71. – Ст. 904.